

НАЧАЛО СЕЗОНА

Кучевые облака громоздились на небе словно исполинские снежные горы. Красный шар солнца закатился в распадок между двумя сопками и никуда не хотел двигаться. Холодный ветер дул с востока, пронизывая насквозь мою старую брезентовую штормовку. В воздухе чувствовался запах настоящего моря. Пахло рыбой, йодом и гниющими водорослями.

На станции назначения платформу отцепили и загнали в тупик между и пакгаузом и вагонами с углем. Я залез на кабину грузовика и, приподнявшись на цыпочки, попытался увидеть долгожданное Белое море. Тут платформу неожиданно ударил пущенный с горки пульмановский вагон, я не удержался на ногах и упал на брезент кузова.

Откуда-то сбоку прилетела ворона. Приземлившись у дверей сарая, она важно прошлась вдоль пакгауза с видом железнодорожного кондуктора, проверяющего билеты. Птица остановилась и черной бусинкой глаза строго посмотрела на меня так, будто у меня нет билета. Я, в свою очередь, посмотрел на нее так, будто у меня есть билет. Ворона нашла липкий фантик от карамельки, долго вертела его в клюве, решая, что бы такое с ним сделать, попыталась съесть, подавилась и хотела его выплюнуть. Но фантик прилип к клюву и птица с минуту трясла головой, чтобы от него освободиться. К вороне подлетели два оперившихся птенца, уселись рядышком на шпалу, дружно раскрыли клювы и стали просить есть. Мамаша сунула фантик в рот одному из воронят. Тот попытался заглотить материнский подарок, но быстро сообразил, что эта штука не съедобная и выплюнул. Ворона аккуратно подняла бумажку и сунула её в клюв другому вороненку. Он то же попытался сходу проглотить её, но подавился и выплюнул фантик.

Ворона осуждающе каркнула, что, вероятно, значило:

«Не едите – значит не голодные», – отвернулась от птенцов и с важным видом отправилась гулять по платформе.

Воронята заорали еще громче.

Тогда мамаша вернулась, схватила клювом фантик и сунула её в рот первому вороненку. Тот жадно схватил бумажку и, прежде чем сообразил ее выплюнуть, инстинктивно проглотил.

Ворона сурово посмотрела на него, будто говорила:

«Ну, вот, съел. А не хотел. Уж не знаю чем вас кормить таких привередливых».

Резкий свисток локомотива взлетел в утреннее небо. Состав с углем тронулся, и испуганные птицы улетели.

Я разжег примус и приготовил на завтрак яичницу с беконом и кофе. Из кабины «Бобика» вылез хмурый Володя. В черном ватнике с поднятым воротником он напоминал нахохлившуюся озябшую птицу. Яичницу шофер есть не стал и в кружке заварил себе чифир.

– Все, с бухлом завязываю, – решительно заявил он, поймав мой недовольный взгляд, – самому надоело.

Маневренный тепловоз зацепил платформу и потащил ее на разгрузку.

На грузовой платформе нас встретил Макс. Несмотря на лето, он был одет в самодельный горнолыжный анарак. Роль невозмутимого ковбоя ему приелась еще зимой, и теперь он помешался на горных лыжах. Новым кумиром завхоза стал Жанн Клод Кили. Макс тут же продемонстрировал мне, как знаменитый горнолыжник во время старта выпрыгивает вверх, опираясь на палки.

– Во Франции, – сообщил Макс, – именем Кили решено назвать одну из вершин в Альпах. Некоторые шутники предлагают назвать вершину Килиблан, а другие Килиманджаро.

К нам подошел плотный коренастый мужчина лет сорока, крепко пожал мне руку и представился:

– Василий Михайлович, старший геофизик, – сделав отчетливый акцент на слове «старший».

– Анатолий, – представился я, и в тон ему добавил: – старший техник-геолог, – тоже делая ударение на слове «старший».

Макс по-свойски называл геофизика «Михлыч». Он рассказал, что Василий Михайлович работал на урановых рудниках, а последние десять лет был главным геофизиком урановой шахты в Германии. Михлыч оказался моим непосредственным начальником и возглавлял отряд, в котором я числился.

Как и следовало ожидать, второго шофера Максиму нанять не удалось. Естественно, одну из машин предстояло вести мне.

Проверив мое водительское удостоверение, Михлыч объявил начальственным голосом:

– Поедете легковой автомобиль, скорость движения сорок километров в час.

– Есть! – коротко ответил я.

В кабине «Бобика» Михлыч надел очки и достал топографическую карту, в углу которой виднелся синий штамп: «Секретно».

– А допуск у вас есть? – вдруг спросил он, зачем-то прикрывая карту рукой.

– Так точно! – по-военному отрапортовал я.

– Интересно, какая впереди дорога, шоссе или асфальт, – глубокомысленно изрек Михлыч, разглядывая карту.

– Покрытие шоссе бывает грунтовое или асфальтовое, – не удержался я от замечания.

– Шоссе это когда песок или щебень, а асфальт есть асфальт, – безапелляционно заявил Михлыч. – Надо расспросить местных жителей.

Через полчаса он вернулся довольный собой. По рассказам аборигенов дорога была в отличном состоянии, и на нее даже могли садиться стратегические бомбардировщики. Макс от этого сообщения поперхнулся дымом. У Михлыча был такой вид, что он заранее отвергает все возражения или сомнения к добытой им информации. Макс промолчал, я тоже.

– Вперед! – скомандовал Михлыч.

«Бобик» тронулся с места. Вслед за нами, натужно завывая, двинулся тяжело груженный «Колун». Дорога с глубокими ямами и промоинами была отвратительная. Казалось, что после зимы я первый еду по этой дороге. Во всяком случае даже следов от колес машин не было видно. Михлыч сопел, вспоминая мужиков, так коварно его разыгравших, но молчал.

– Ничего, ничего, сейчас начнется хорошая дорога, – Михлыч с надеждой смотрел вперед и дымил сигаретой.

И действительно, ямы стали не только шире, но и глубже. Опыт езды по бездорожью у меня был изрядный. Накатом пуская машину в очередную яму, я плавно увеличивал обороты двигателя, выезжая из нее.

Через несколько часов монотонной езды пассажиры заснули, свесив головы. Меня тоже клонило в сон, но вторая половина мозга работала в режиме автопилота и контролировала вождение машины. И вдруг мне приснилось, что ивовый куст у обочины вскочил и неожиданно перебежал

дорогу перед самым радиатором. Я резко тормознул. Михлыч качнулся вперед и стукнулся головой о ветровое стекло. Макс навалился на меня сзади.

– Что такое, что случилось? – закричал Михлыч спросонок.

– Мне показалось, что на наше шоссе совершает вынужденную посадку стратегический бомбардировщик, – ответил я, протирая уставшие глаза.

– С грузом водородных бомб на борту, – поддержал меня Макс, – вас же мужики предупреждали, что они любят садиться именно на эту дорогу.

После двухсот километров пути по стратегической дороге мы встали лагерем на берегу живописного лесного озера. Камыши отражались в зеркальной глади воды, а низкое красное солнце, будто играя, выглядывало из-за высоких корабельных сосен.

Михлыч строил из себя бывалого начальника. Его отрывистые команды звучали как на солдатском плацу. Быстро установили палатки, и я организовал на перекус бутерброды со свиной тушенкой. Макс заявил, что резиновые лодки надо обязательно испытать под нагрузкой на воде в течение нескольких часов. Накачав лодки, мы с Максом отчалили на рыбалку. За пару часов натаскали на удочку ведро крупных окуней и трех щук на спиннинг. На ужин была отменная двойная уха.

На другой день шофер привез из поселка начальника партии, Ника, геологиню Людмилу Васильевну и еще одного старшего геофизика Женю. Они добрались от железной дороги до поселка рейсовым автобусом. Оказалось, что была еще одна вполне приличная дорога, а мы ехали рядом параллельно ей по старой грунтовке.

У Ника родилась вторая дочь, и он весь сиял.

– Мыкола, хелло! – приветствовал я Ника. – Ты шо, девок решил строгать?

– Если тебе когда-нибудь повезет в жизни и у тебя родится дочь, тогда и узнаешь какое что счастье, – с достоинством ответил Ник.

– Правильно, – вдруг поддержал его Макс, – женишься и поймешь, что такое настоящее счастье... но будет уже поздно. Самая прочная семья – из одного человека.

Начальник партии был одет в переливающийся, как ёлочная игрушка, додероновый костюм, эффектно смотревшийся на фоне выгоревших брезентовых палаток и энцефалиток. Как и Михлыч, начальник также отработал десять лет в Германии на урановой шахте и также был главным геофизиком. Включая начальника, в партии было три геофизика и только одна геологиня. Поэтому мы с Ником должны были работать геологами.

Увидев надутые резиновые лодки и целый таз рыбы, начальник задрожал от нетерпения и, не переодеваясь, пожелал тут же отправиться на рыбалку. Залезая в лодку, он сел на борт, резинка перевернулась, и начальник ушел под воду головой вниз. Дно у озера было илистое, и когда начальник вынырнул с грязным лицом и бурой копной водорослей на голове, то сильно напоминал водяного. Он вышел на берег в костюме при галстукке и весь в грязи. Фокстерьер Эджин не признал в нем своего хозяина, зарычал, попятился и на всякий случай убежал за палатку.

За обедом начальник объявил, что арендовал в поселке дом под базу на весь сезон, где мы и будем жить в бывшем общежитии лесорубов. В поселке была столовая, в которой нам предстояло питаться.

Нам с Ником больше нравилась палатка. Возвращению в лоно цивилизации: к пиву, телевизору, столовой – обрадовались только Михлыч и Добытчик.

– Еще успеете пожить в палатках, – пообещал начальник, заметив наше недовольство.

После обеда сняли лагерь и переехали на новую базу. В общежитии было грязно и уныло. Мы с Ником вымыли полы во всех комнатах.

Начальник распределил жилье. Два старших геофизика и начальник поселились в одной самой большой комнате. Маленькая комнатка досталась геологине. Макс, Ник и я составили компанию добытчику.

Под нашим окном на ветхом деревянном столе Макс и Ник сражались в шахматы. Над озером полыхал закат. Перистые облака, подсвеченные снизу заходящим солнцем, закручивались спиралью, напоминая галактику. Из меня рвались чувства, но никак не хотели рифмоваться.

На крыльцо вышел старший геофизик Женя со спальником подмышкой. Он собрался идти ночевать в старый заброшенный курятник за домом. Оказалось, что начальник и Михлыч сильно храпят и не дают ему уснуть. Я тут же посоветовал Жене воспользоваться «средством от храпа мгновенного действия», разработанного мной на крымской практике: нос храпящего зажимается бельевой прищепкой. Конечно, для получения устойчивого эффекта нужна целая связка прищепок.

Женя ушел спать. Буквально через несколько минут из курятника донесся мощный раскатистый храп, достойный самого Ильи Муромца. Причудливыми переливами ему вторили из барака голоса Михлыча и начальника.

– Женя, ты храпишь даже громче Михлыча, – заметил Макс геофизику на другое утро. – И зачем тебе мучиться в курятнике? Спал бы в доме и голосили бы втроём на весь поселок.

– Они засыпают первыми и мне не дают уснуть.

Сон Михлыча был особенным и сопровождался громовым храпом. Однако через несколько минут геофизик начинал дергаться, а потом кричать: то громко и испуганно, то жалобно скуля, как бездомный щенок. И, наконец, вскрикнув дурным голосом, Михлыч просыпался, садился на кровати и смотрел на мир вытаращенными глазами. Всезнающий Макс рассказал нам, что каждый раз, когда Михлыч засыпает, то видит один и тот же сон: за ним гонится толпа свирепых косматых людей, а он не может от них убежать – ноги как ватные. И закричать – голоса нет, один стон. Тут его ловят и, наконец-то, удаётся крикнуть. От косматых немых тел смердит. Толпа дикарей, торжествуя воя, хватается Михлыча за ноги и бегом стремительно куда-то тащит. С воинственными криками пленника бросают вниз с отвесного обрыва. Михлыч летит в пропасть и... просыпается.

Макс мог точно определить различные фазы послеобеденного сна Михлыча: «Догнали и схватили, – комментировал он громкий вскрик, – а теперь тащат к обрыву. Все, бросили, сейчас проснется!»

Напротив барака, через пыльную деревенскую улицу, в большом соседском курятнике верховодил задиристый петух Атос – первый драчун во всем поселке. От афганцев петух унаследовал небольшой толстый гребень и мощный, как у ворона, клюв, от брам – покрытые перьями ноги, напоминающие расклеванные матросские брюки, а от московских кур – черное тело и красно-рыжее жабо. Атос десятками топтал несушек, гонялся за гусынями и утками, и даже свиньи с опаской поглядывали на него, побаиваясь его сексуального темперамента. Все петухи в округе были давно побеждены и с Атосом не связывались. Все, что им оставалось, это перекричать его по утрам. И Атос нашел себе достойных противников в нашем лице. Петух неустанно дежурил около крыльца барака и, завидев кого-нибудь из нас, решительно бросался в драку. Причем, на Михлыча и начальника петух не обращал

никакого внимания, полагая, вероятно, что им уже не до кур. Особенно яростно петух напал на Макса, чувствуя в нем главного соперника и подозревая, что после того, как Макс перепортит всех девок в поселке, то может свободно переключиться на его несущек. Но больше всех страдал геофизик Женя, ночевавший в пустом курятнике по соседству. Атос принимал его за хитрого и коварного конкурента, пытающегося смиренным видом усыпить его бдительность. Когда утром Женя открывал калитку своего курятника, то встречал готового к драке Атоса в боевой позиции с распущенным жабо.

Начальник с геологиней уехали на какое-то совещание в геологическую партию, а мы целый день бездельничали. Ник писал стихи. Макс начищал черным гуталином свои ковбойские сапожки, явно собираясь на рекогносцировку в район женского общежития. Я сидел на крыльце и курил сигарету. На улице появился невысокого роста шуплый мужичок, заросший неопрятной щетиной. Утром я видел его у поселкового магазина. Он хвастался, что работает с лесостроителями. Рубаха на груди мужика была расстегнута для демонстрации старых бледно-синих наколок. Бич находился в стадии среднего опьянения. Задрал вверх небритый подбородок и загребая босыми ногами теплую дорожную пыль, бич громко вопил на всю улицу с целью себя показать и местных жителей напугать:

– Эх, люблю людей резать... нож легко, хорошо идет... как в репу!

Я давно заметил, что некоторые бичи очень артистично корчили из себя отпетых уголовников, которым сам черт не брат.

Но местные жители видали и не такое. Даже собаки не обращали на бича внимания. Один я с живым интересом наблюдал представление. Заметив единственного зрителя, бич подрулил ко мне. С видом пахана он процедил сквозь желтые от курева зубы:

– Дай закурить, начальник, – и с понтом добавил, – сто лет не курил, падлой буду!

Получив сигарету, бич вознамерился развить успех и пристал ко мне как банный лист:

– Начальник, тебе хороший рабочий нужен?

Нам позарез требовался рабочий, но появлению в отряде такого кадра мог обрадоваться только наш Добытчик.

– А как же лесостроители?

– Они гады меня сегодня выгнали и денег не заплатили, сказали через неделю, а что я жрать буду? Ну, возьмишь?

– Ты наверняка поддаешь каждый день.

– Я два года в завязке, – бич рванул на себе рубаху.

– А сегодня что?

– Сегодня расслабился, с горя.

– Нет, я думаю, ты нам не подойдешь.

– Обижает, начальник, возьми на работу, я все умею делать.

– Нет! – я встал, давая понять, что разговор окончен.

– Возьми... – заныл бич.

– Нет.

– Ну, моли бога начальник, что не взял меня, – злорадно оскалился бич, – я бы тебе наработал.

На следующий день опять не было работы, так как начальство еще не вернулось. Под руководством Михлыча мы по второму разу проверили снаряжение.

В поселковом клубе я обнаружил теннисный стол. Вместо сетки поперек стола лежала доска. Мальчишки играли плохо. Я выиграл пару раз и отправился искать более достойных противников.

Женя писал акварелью пейзаж на влажном листе ватмана. Краски растекались на бумаге, и этюд получился расплывчатым, как будто смотришь на мир через затуманенное дождем стекло.

– Самое главное не выписывать контуры, – изрек Женя, цитируя великого импрессиониста Писарро, – а дать им верное наполнение.

– Может, в настольный теннис сыграем? – предложил я геофизику.

– Я не очень хорошо играю в теннис, – признался Женя, – а точнее вообще не умею играть, ни разу в руках ракетку не держал.

Ник сидел на лавке под окнами барака и писал стихи. На все просьбы сыграть в теннис он отвечал односложно:

– Отстань!

– Полчаса?

– Ты знаешь, почему верблюд не ест вату?

– Нет.

– Потому, что не хочет!

Заглянув в тетрадь, через плечо Ника, я прочитал:

«В распадки опускается туман,

Кипит в реке зеленая вода,

И светит высоко над головой,

Далекая полярная звезда».

Я отправился на озеро. На отлогом берегу, вцепившись в песок узловатыми корнями, стояли кряжистые сосны. Годами их ломали и гнули северные ветры.

Озеро было спокойным, но из-за горизонта надвигалась синяя грозовая туча. Редкие молнии зигзагами рассекали облака, и ворчливые громовые раскаты гулко разносились над водой.

Макс лежал на деревянном лодочном причале в своей любимой позе усталого ковбоя и бросал в воду озера камешки, настраиваясь, по-видимому, на совершение очередного прелюбодеяния. В этом деле у Макса были поразительные способности и, главное, успехи. Девиц он гипнотизировал взглядом, как анаконда капибару.

Накануне Макс появился в бараке только утром к завтраку. Геофизик Женя, зашедший к нам в комнату, с завистью поинтересовался:

«И как это у тебя все так ловко получается с девицами?»

Утомленный бессонной ночью Макс развалился на койке и закурил.

«Все очень просто, знакомлюсь где-нибудь, например на танцах, потом мы немного гуляем... идем к ней домой или ко мне... утром расстаемся... – Макс затянулся сигаретой и выпустил к потолку большое кольцо дыма. Взглянув на Женю, он очень серьезно, как будто открыл важный секрет, добавил: – Все это очень сближает!»

У Макса был первый разряд по настольному теннису и, по идее, он должен был сразу заинтересоваться моим предложением.

– В клубе есть теннисный стол, – сообщил я.

Макс бросал камешки в воду, не обращал на меня внимания.

– Несколько партий?

Не оборачиваясь, Макс глубокомысленно изрек:

– Козьма Прутков учил: «Бросая в пруд камни, внимательно наблюдай за кругами на воде, от них расходящимися, иначе занятие твое будет пустым времяпровождением», – Макс бросил последний камешек,

словно поставил точку. – Лучше пойдем со мной в одно место, – предложил он с заговорщицким видом.

– Куда?

– Я с одной девой познакомился, а у нее две подруги в комнате, понимаешь?

– А что тебя смущает? Для тебя это разве много? Ты, как Атос, в состоянии покрыть все женское общежитие.

– Женщины в меня безумно влюбляются, и ни с кем делить не хотят. Давай Ника пригласим третьим.

– Ник как «русский Сцевола», руку себе отрубит, но жене не изменит.

– Тогда я приглашу девиц на озеро – провожать белые ночи, познакомлю вас, и, когда выйдем за поселок, мы с Ленкой незаметно исчезнем. А ты в это время расскажешь подругам десяток анекдотов, пока мы это... Ну, понял?

– Мне хватит и одной девицы. А ты возьми себе две, справишься!

– Неужели другу не поможешь? – обиделся Макс.

Перспектива рассказывать анекдоты двум подругам меня не увлекла, но отказать другу я не мог.

– Только на полчаса. Видишь, гроза собирается?

Мы подошли к женскому общежитию.

– Ну, я пошел, – Макс подмигнул и скрылся за дверью.

Я присел на скамейку в ожидании, когда он появится с тремя девицами. Прошло двадцать минут, Макса не было. С озера потянуло холодом и стал накрапывать дождик. Прождав напрасно еще десять минут, я отправился домой. Ветер усилился. Внезапно разразилась гроза, и молнии огненными клинками рассекли небо. Хлынул настоящий ливень. За несколько минут я вымок до нитки.

Ник храпел в унисон с раскатами грома. Я развесил мокрое белье и тихо залез в спальный мешок.

– Вставай, развратник, завтрак проспичь, – разбудил меня утром Ник. Он явно намекал на старый анекдот про кота, пригласившего котенка на разврат. Когда вылезли на крышу, опытный кот подмигнул котенку и многозначительно произнес:

«Ну, я пошел...»

Котенок остался сидеть в одиночестве у слухового окна. Через полчаса вошла луна, стало холодно.

«Еще десять минут поразвратничаю и пойду домой к маме, – решил котенок».

– А где этот прелюбодей? – я кивнул на застеленную койку Макса.

– С Атосом воюет.

В комнату влетел Макс и захлопнул дверь перед носом разъяренного петуха.

– Абель, извини! Соседок дома не оказалось, и я хотел выйти тебя предупредить, но она вцепилась в меня, как львица. А когда отпустила, я выбежал на улицу – там уже гроза.

По субботам в поселковом клубе были танцы. Макс регулярно их посещал, и однажды местные ребята сговорились его побить. Мы с Ником на лавочке под окном заканчивали партию в шахматы. Я почти выиграл, но зевнул коня. Мимо нас стремительно промчался Макс, прыжком вскочил на крыльцо и исчез за дверью. Сразу же раздался топот десятка ног, и набежала толпа преследователей. Все они были одеты в черные костюмы и белые нейлоновые рубашки. Мы с Ником встали из-за стола. Коренастый

широкоплечий лесоруб вдруг подскочил к Нику, и сходу замахнулся рукой для удара. Я инстинктивно двинул нападавшего сбоку в челюсть и он, крутнувшись волчком, упал на землю. Остальные ребята в нерешительности остановились. И тут на крыльце появился Макс с наганом в руках.

– Вы имеете честь напасть на геологическую базу? – с иронией произнес он.

Увидев оружие, нападавшие молча попятились назад.

– Предупреждаю всех, что я при исполнении, – грозно добавил Макс, и как настоящий ковбой ловко прокрутил револьвер вокруг указательного пальца на спусковой скобе, – ду ю андестенд?

Местные английский язык не понимали. Предводитель встал на ноги и отряхнул брюки. Я узнал в парне бригадира лесорубов.

– Да я тебя сейчас по стенке размажу, – вдруг заорал лесоруб на Ника.

Он, вероятно, решил, что это Ник так ловко сбил его с ног.

– А ну, выходи один на один.

– Это я тебя ударил, – сообщил я предводителю, – так что можешь разбираться со мной.

– Кто, ты? – усмехнулся парень, как будто его сбил с ног первоклассник.

Неужели я выгляжу так безобидно?

Судя по тому, как предводитель широко по-деревенски замахнулся и не заметил мой удар, драться он не умел и верховодил среди парней только за счет нахальства. Местные ребята завелись не на шутку и требовали кулачного боя. Предводитель демонстративно снял пиджак и расстегнул запонки с манжет. Аккуратно засучив рукава голубоватой нейлоновой рубашки, он показал всем свои загорелые и мускулистые руки. Парень был ниже меня ростом, но шире в плечах и мощнее. Ребята подбадривали вожака криками и обещали, что он сейчас расплющит меня, как бог черепаху. Ник и Макс всерьез опасались, что этот мускулистый парень изобьет меня до смерти. Предводитель был уверен в своем превосходстве. Бицепсы тяжелыми слитками перекатывались под загорелой кожей его рук. Но только я знал, что в кулачном бою у лесоруба не было никаких шансов на победу. Для боксера-перворазрядника побить новичка не велик труд.

Сам я понял, что такое разница в уровне подготовки на спарринге с чемпионом токийской олимпиады Валерием Попенченко, в одной секции с которым тренировался. Обычно, после разминки, ребята надевали перчатки, разбивались на пары и вели условный бой. На ринге боксировали сразу две или три пары, остальные теснились в узких проходах между стеной и канатами. Но когда на тренировку приходил Валерий, которого все обожали, то ребята на ринг не лезли. Попенченко выходил на середину, оглядывал нас, выбирал боксера второго среднего или полутяжелого веса и проводил с ним трехминутный раунд. Провести спарринг с обладателем кубка Баркера – самым техничным боксером мира среди любителей, было счастьем для каждого из нас. Когда я, наконец, удостоился такой чести и скользнул под канаты, Валерий склонился ко мне и объяснил:

«Ты работай прямыми, желательно сериями и бей серьезно, не стесняйся, а я буду только обозначать удары. Ну, стукну пару раз в плечо».

В первые секунды боя в моей голове вертелась тщеславная мысль, что я встречным прямым ударом отправлю в нокдаун чемпиона мира, и при молчании ошеломленных ребят скажу ему:

«Ну, вот, вы же сами говорили, бей сильно».

Но все вышло иначе. Три минуты я молотил кулаками воздух, а Попенченко играл со мной как кошка с мышкой, легко уходя от моих

ударов. Зато, молниеносными легкими тычками Валерий дотрагивался до моего подбородка или солнечного сплетения, показывая, что я мог бы уже отдыхать на полу ринга. Иногда он проводил серию ударов по моим перчаткам. При этом мне доставалось по лицу не меньше, чем от прямого удара. На первой минуте от удара в плечо я едва не вылетел за канаты. Еще две мощные серии чуть не выбили мне плечевой сустав. Можно было представить себе боксера, которому такая серия попадет в голову или в корпус. Все удары были нокаутирующими четкими и резкими. И все равно я был счастлив. Несмотря на то, что у меня к тому времени был уже второй разряд и полтора десятка побед, я понял, что до настоящего мастера мне как до Луны.

Тем временем лесоруб вышел на середину площадки, ухмыльнулся и поманил меня пальчиком. Ребята весело заржали над шуткой предводителя. Я решил не бить парня кулаками, чтобы не изуродовать его лицо и не разбить себе костяшки пальцев. В боксе есть такая форма разминки: «игра в пятнашки», когда боксеры без перчаток ведут условный бой и легко дотрагиваются пальцами до тех мест, куда мог быть нанесен удар. Но и при такой игре боксеры нередко заводятся и награждают друг друга пощечинами.

Мы сошлись на площадке. С противоположной стороны улицы из-за металлической сетки курятника за нами внимательно наблюдал Атос. Петух знал толк в хорошей драке и в азарте разгребал землю мощными шпорами.

Парень ринулся на меня под улюлюканье своих товарищей. Я легко отскочил в сторону, и нападающий пролетел мимо. Еще несколько таких провалов вызвали у лесоруба ярость. Широко размахивая руками, он старался прижать меня к стене барака. Тут я опередил противника и наградил его серией звонких пощечин. Парень озверел и неожиданно выхватил из заднего кармана автоматический нож. Его узкое хромированное лезвие выскочило с четким металлическим щелчком. Макс, играя наганом, хладнокровно предупредил:

– А ну, брось нож, пока я тебе задницу не прострелил.

В принципе нож удлинял руку противника сантиметров на пятнадцать, и он все равно не смог бы меня ударить. Но и мне было сложнее, вернее опаснее, достать его чистым нокаутирующим ударом. На самый крайний случай можно было нанести длинный прямой джеб в переносицу. Это ослепляющий удар, от которого сразу текут слезы. При этом, как правило, ломается носовой хрящ, но эта травма не смертельная. Конечно, физиономия с двумя синяками под глазами две недели выглядит устрашающе.

Парень взглянул на револьвер в руках Макса и отбросил нож. Лезвие глубоко воткнулось в бревенчатую стену барака. Лесоруб разбежался и стал молотить воздух руками и ногами, стараясь попасть ногой мне в пах. Я легко уходил от ударов и успел наградить его еще парой звонких оплеух.

Наш тренер Георгий Филиппович Кусикьянц учил, что в бою побеждают не руками, а ногами – главное для боксера это умение двигаться по рингу. Я держался рядом с лесорубом, как тореадор около разъяренного быка. Парень взревел от злости и вдруг бросился мне в ноги, в расчете повалить меня и заломать в борьбе. Для меня не составило большого труда отскочить в сторону. Парень грохнулся лицом в пыль. Местные ребята сердито молчали, понимая, что их бригадир побежден по всем статьям, и я играл с ним, как кошка с мышкой.

Запыхавшийся лесоруб встал на колени, как боксер в нокадауне. Я протянул ему руку. Он взглянул на меня исподлобья и вдруг сжал мою кисть

словно тисками. Такого крепкого рукопожатия я не ожидал. Ладонь у парня была мозолистая и твердая, как дерево.

– Давай бороться на руках, – предложил лесоруб.

Окруженные возбужденными ребятами, мы сцепились на руках. У боксеров тяговая сила руки не большая, так как занятия с тяжестями закрепощают мышцы и снижают реакцию. Тренер нас учил, что главное в боксе – это быстрота и точность удара.

Накачанный топором лесоруб завалил меня на стол без видимого усилия, как школьника. Его товарищи заорали от восторга. Я согласился продолжать борьбу, и был побежден еще пару раз.

– Мир! – наконец, произнес довольный предводитель, крепко пожимая мне руку, а другой рукой трогая горящую от пощечин физиономию. – Семен, – с достоинством представился он.

Ник вынес гитару, и я спел несколько военных песен Высоцкого. Мы расстались с местными ребятами друзьями и на прощание крепко пожали друг другу руки.

Когда ребята ушли, Макс заметил:

– Вот уж не думал, что ты легко одолеешь этого бугая.

– У боксера-разрядника всегда огромное преимущество перед новичком и случайностей здесь не бывает. Человек, никогда не державший в руках ракетки, смог бы у тебя перворазрядника случайно выиграть партию в настольный теннис?

– Нет, конечно, – усмехнулся Макс.

Ник пожал мне руку и с уважением произнес:

– Раньше я думал, что боксеры всегда рады случаю кого-нибудь избить.

– Ты с первого курса знал, что я боксер, и всегда обо мне так думал? – вдруг сообразил я.

– Извини, – смутился Ник.